

Соловьев Сергей Михайлович

**Очерк нравов, обычаев и
религии славян,
преимущественно восточных,
во времена языческие**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Михайлович С.**
Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во
времена языческие / Соловьев Сергей Михайлович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 50 с.

ISBN 978-5-519-74801-8

ISBN 978-5-519-74801-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

же самыхъ словахъ описываетъ гостепріимство Славянъ сѣверныхъ, прибавляя, что у нихъ считалось дозволеннымъ даже украсть для угощенія¹⁾. — Гостепріимство есть черта, принадлежащая не однимъ Славянамъ: у Грековъ нарушить долгъ гостепріимства значило оскорбить высшее божество—Зевеса; и теперь путешественники удивляются гостепріимству дикарей сѣверной Америки. Чѣмъ затруднительнѣе странствованіе, чѣмъ съ большими опасностями сопряжено оно, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ въ себѣ народъ обязанность гостепріимства; особенно сильно чувствуютъ въ себѣ эту обязанность тѣ народы, которые сами подвергаются непрерывной опасности изгнанія, всегда готовы взять въ руки странническій посохъ, и предаться на волю судьбы и добрыхъ, гостепріимныхъ людей; слѣд. Славяне, народъ, болѣе другихъ подвергавшійся враждебнымъ столкновеніямъ и съ своими и съ чужими, безпрестанно подвергавшійся нападенію и изгнанію, долженствовалъ быть однимъ изъ самыхъ гостепріимныхъ народовъ. Но кромѣ состраданія, гостепріимство имѣло еще и другія причины: для народа, живущаго въ простотѣ нравовъ, чужестранецъ, странникъ былъ явленіемъ важнымъ, любопытнымъ; сколько наслажденій могъ онъ доставить разсказомъ о своихъ походахъ! Съ другой стороны, человѣкъ, много странствовавшій, слѣд. много видѣвшій, много знающій, всегда и вездѣ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ, отъ такого человѣка можно было многому научиться, оскорбить его считалось ненавистнымъ божеству и людямъ. Сюда должно присоединить и религіозныя понятія: каждое жилище, очагъ cadaго дома былъ

¹⁾ Lib. I. cap. LXXXII. Quidquid enim agricultura, piscationibus, seu venatione conquirunt, totum in largitatis opus conferunt, eo fortiores quemque quo profusorem jactantes, cujus ostentationis affectatio multos eorum ad furta vel latrocinia propellit. Quae utique vitiorum apud eos quidem venialia sunt, excusantur enim hospitalitatis palliatione. Slavorum enim legibus accedens, quod nocte furatus fueris, crastina hospitibus disperties. Si quis vero, quod rarissimum est, peregrinum hospitio removisse deprehensus fuerit, hujus domum vel facultates incendio consumere licitum est atque in id omnium vota pariter conspirant, illum inglorium, illum vilem et ab omnibus exhibilandum dicentes qui hospiti partem negare non timuisset. — Lib. II. cap. XII.

мѣстопробываніемъ домашняго божества; странникъ, входившій въ домъ, отдавался подъ покровительство этого божества, и оскорбить странника значило оскорбить божество. Наконецъ, странникъ, хорошо принятый и угощенный, повсюду разносилъ добрую славу о человѣкѣ и цѣломъ племени гостепріимномъ; Мономахъ говоритъ въ поученіи: «Богъ же чтите гостя, откуда же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ, ти бо мимоходячи прославятъ человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ»¹⁾. Что у нѣкоторыхъ Славянъ именно существовало такое побужденіе къ гостепріимству, нѣкотораго рода хвастовство щедростію, тароватость, не разбирающая средствъ, указываютъ вышеприведенныя слова Гельмольда, и нельзя сказать, чтобъ эта черта истребилась изъ народнаго характера.

Писатели хвалятъ обхожденіе Славянъ съ плѣнными. Императоръ Маврикій говоритъ, что у Славянъ плѣнники не рабствуютъ цѣлый вѣкъ, какъ у другихъ народовъ; но что назначенъ извѣстный срокъ, по прошествіи котораго они вольны или возвратиться къ своимъ, давши окупъ, или остаться жить между Славянами, въ качествѣ людей вольныхъ и друзей²⁾. Здѣсь должно замѣтить, что желаніе имѣть рабовъ и удерживать ихъ какъ можно долѣе въ этомъ состояніи, бываетъ сильно, во первыхъ, у народовъ нѣсколько цивилизованныхъ, у которыхъ хозяйственныя и общественныя отправления сложны, роскошь развита; во вторыхъ, рабы нужны народамъ, хотя и дикимъ, но воинственнымъ, которые считаютъ занятіе войною и ея подобіемъ, охотою за звѣрями, единственно приличнымъ для свободнаго человѣка, а все остальныя хлопоты домашнія слагаютъ на женщинъ и рабовъ; наконецъ ко всякому явленію, такъ и къ явленію рабства посреди себя народъ долженъ привыкнуть: для этого народъ долженъ быть или образованъ и пріобрѣтать рабовъ посредствомъ купли, или воинствененъ и пріобрѣтать ихъ какъ добычу, или

¹⁾ Полн. собр. Русск. лѣтоп. I, стр. 102.

²⁾ Τοὺς δὲ ὄντας ἐν ταῖς ἀχαιωσίαις παρ' αὐτοῖς, οὐκ ἀριστῶ χρόνῳ, ὡς τὰ λοιπὰ ἔθνη, ἐν δουλείᾳ κατέχουσιν, ἀλλὰ ῥητὸν ὀρίζοντες αὐτοῖς χρόνον, ἐν τῇ γνώμῃ αὐτῶν ποιοῦνται, εἴτε θέλωσιν ἐν τοῖς ἰδίοις ἀναχωρῆσαι, μετὰ τινος μισθοῦ ἢ μένουσιν ἐκεῖσε ἀλευσάροι καὶ φίλοι.

долженъ быть завоевателемъ въ странѣ, которой прежніе жители обратились въ рабовъ. Но Славяне, во первыхъ, жили подъ самыми простыми формами быта, быта родового, ихъ хозяйственныя отправленія были не трудны и не сложны, въ одеждѣ, въ жилищахъ господствовало отсутствіе всякой роскоши; при всемъ этомъ и при постоянной готовности покинуть свое мѣстопробываніе и спастись отъ врага, рабы могли только затруднять Славянское семейство, и потому не имѣли большой цѣнности. Во-вторыхъ, Славяне вообще не были народомъ воинственнымъ и вовсе не гнушались земледѣльческими занятіями; наконецъ они не сдѣлали привычки къ рабамъ, не будучи завоевательнымъ и цивилизованнымъ народомъ. У народа, въ простотѣ родового быта живущаго, рабъ не имѣетъ слишкомъ большаго различія отъ членовъ семьи; онъ бываетъ также младшимъ членомъ ея, малымъ, юнымъ; степень его повиновенія и обязанностей ко главѣ семьи одинакова со степенью повиновенія и обязанностей младшихъ членовъ къ родоначальнику; отсюда имя раба смѣшивалось съ именемъ младшаго члена семьи; что рабъ значило *малый*, *юный*, доказательствомъ служить производное *ребенокъ* или *ребенокъ*; также производные глаголы: отъ *робъ* или *рабъ*—*роблю*, *умалляюся духомъ*, точно такъ какъ *унываю* находится въ связи съ *юный* или *уный*; отсюда же слово *унемъ*¹⁾; отрокъ означаетъ мальчика и раба.

Писатели хвалятъ цѣломудріе Славянскихъ женщинъ и привязанность ихъ къ мужьямъ²⁾, за которыми онѣ слѣдовали даже въ могилу. При формахъ родового быта, когда вся жизнь замыкалась въ семьѣ, отдѣленной отъ другихъ, молодая женщина находилась подъ строгимъ и ревнивымъ надзоромъ новыхъ родственницъ, для которыхъ она была чужанкою. При замкнутости въ чужой семьѣ, мужъ былъ единственнымъ существомъ, отъ котораго она ждала и любви и покровительства; умри мужъ—положеніе жены, лишенной

¹⁾ Уный, юный. Ср. Санскр. *ūna*, *minor*.

²⁾ *Маврикій*: *Σωφρονούσι δε ἡ θήλεα αὐτῶν ὑπὲρ πάντων φύσιν ἀνδρώπων, ὥς τε πολλὰ αὐτῶν τὴν τῶν ἰδίων ἀνδρῶν τελευτὴν ἰδίον ἡγεῖσθαι θάνατον, καὶ ἀποπνίγειν ἑαυτὰ ἑλουσάως, οὐχ' ἡγούμενα ζῶν τὴν ἐν χηρείᾳ διαγωγὴν.*—*S. Bonifac: Vineditam magno zelo matrimonii amorem mutuum servant, ut mulier, viro proprio mortuo, vivere recuset.*

единственной подпоры, единственного звѣна, соединявшаго ее съ чужою семьею, становилось горько, нестерпимо: она предпочитала смерть. Разумѣется, что здѣсь могли также участвовать и понятія о будущей жизни, гдѣ должны были продолжаться прежнія отношенія.

Выше было сказано, что Славяне жили подѣ формами родоваго быта; этого обстоятельства не должно упускать изъ виду при описаніи древнихъ обычаевъ Славянскихъ. Такъ какъ мы преимущественно обращаемъ вниманіе на Славянъ восточныхъ, то, при описаніи нравовъ и обычаевъ ихъ, главнымъ руководителемъ долженъ быть начальный нашъ лѣтописецъ. Мы замѣтили, что на иностранныхъ писателей нравы Славянъ производили благоприятное впечатлѣніе, и они отзываются объ нихъ съ похвалою; вовсе не такъ снисходительны къ древнимъ Славянскимъ нравамъ и обычаямъ свои писатели, духовные, христіанскіе, которые съ омерзѣніемъ смотрѣли на все то, что напоминало одревнѣмъ язычествѣ. Въ такомъ духѣ писалъ и нашъ начальный лѣтописецъ. Исключая Полянъ, имѣвшихъ обычаи кроткіе и тихіе, стыдливыхъ передъ снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровьями и деверями, имѣвшихъ брачный обычай, нравы остальныхъ племенъ у него описаны черными красками: Древляне жили по скотски, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, и брака у нихъ не было, а похищеніе дѣвицъ. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне имѣли одинакой обычай: жили въ лѣсу какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами, браковъ у нихъ не было, но игрища между селами, гдѣ, сговорившись, молодые люди похищали себѣ женъ; имѣли по двѣ и по три жены. Если кто умиреть, творили надъ нимъ тризну, сожигали трупъ, и собравши кости, складывали въ малый сосудъ, и ставили на столпѣ, на распутіи ¹⁾.

По внимательномъ разсмотрѣніи этого описанія, мы не можемъ не замѣтить, что лѣтописецъ, вѣрный понятіямъ своего времени, преимущественно обращаетъ вниманіе на семейные нравы и обычаи племенъ, въ нихъ полагаетъ различіе между послѣдними. Такъ Поляне, по его словамъ, отличались чистотою семейныхъ нравовъ, члены семьи были стыдливы другъ передъ другомъ.

¹⁾ П. С. Р. Л. I, стр. 6.

Основа семьи, узелъ ея — это бракъ, который тогда, при господствѣ родового быта, при замкнутости родовъ, имѣлъ самое важное значеніе: бракъ вводилъ въ семью новое, чужое совершенно лице, перемѣнялъ отношенія, однимъ словомъ, былъ единственнымъ событіемъ, которое сильно волновало родъ, безъ того неподвижный при особности и замкнутости своей. Но если бракъ у Славянъ былъ событіемъ такой важности, то ясно, какъ важно было различіе во взглядѣ на это явленіе у разныхъ племенъ. Это различіе въ обычаяхъ брака лѣтописецъ и приводитъ какъ основное нравственное различіе между племенами. Поляне имѣли брачный обычай: женихъ не ходилъ за невестою, но ее *приводили* ¹⁾ вечеромъ, а на другое утро приносили по ней то, что дадутъ. Здѣсь лѣтописецъ хочетъ показать, что у Полянъ бракъ совершался съ согласія родственниковъ невесты; но предположивъ согласіе послѣднихъ, нужно заключить о мирныхъ, признанныхъ отношеніяхъ между родами, вступающими въ свойство; если мы примемъ чтеніе Лаврентьевскаго списка: «а завѣтра приношаху по ней, что вдадуче», то подъ *приношаху по ней, что вдадуче*, мы не можемъ разумѣть ничего инаго, кромѣ приданаго: приносили по ней, въ слѣдъ за нею, т. е. изъ родительскаго дома; подразумѣвать здѣсь подарокъ жениха невестѣ странно: женихъ дарилъ, и между тѣмъ къ нему въ домъ приносили, неизвѣстно откуда, въ слѣдъ за невестою? Что *приношаху по ней, что вдадуче*, означаетъ приданое, указываетъ нынѣ употребительное выраженіе: *взять за женою*, *взять то, что будетъ принесено за женою*. Но есть другое чтеніе, чтеніе Ипатьевскаго списка, которое мы считаемъ древнѣйшимъ, и которое прямо указываетъ на куплю: «А завѣтра приношаху что на ней вдадуче». На куплю также указываетъ *отно* съ производнымъ *отнѣнѣти* ²⁾. Во всякомъ случаѣ странно было бы предположить, что обычай купли, существовавшій у всѣхъ народовъ ³⁾, не существовалъ первоначально у Сла-

¹⁾ Отсюда выраженіе *водимая* въ значеніи жены по преимуществу, законной жены (П. С. Р. Л. I, стр. 34): «И быша ему (Владимиру) *водимыя*.... а наложницъ бѣ у него 300 Вышгородѣ», и проч.

²⁾ Не пять ли птицъ *отнѣнѣти* пѣнязема двѣма. *Miklosich, Radices linguae Slovenicae*, p. 14.

³⁾ *Aristot, Polit. 2, 8*: *Τοὺς γὰρ ἀρχαίους νόμους λίαν ἀπλοὺς εἶναι καὶ βαρβαρίους*

вянъ, особенно при условіи того разрозненнаго родоваго быта, въ которомъ жили Славяне, и при такихъ обычаяхъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, говоря о большей части племенъ. «У Древлянъ брака не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица»; у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ: «брати не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ неюже кто съвѣщашеся; имяху же двѣ и по три жены». Похищеніе при разрозненности и враждебности родовъ, необходимо ¹⁾. Будучи слѣдствіемъ разрозненности и вражды, похищеніе дѣвицъ, въ свою очередь, производитъ вражду между родами; родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія: это самое ведетъ уже къ продажѣ дѣвицъ; похититель можетъ тотчасъ послѣ увода, не дожидаясь войны, предложить вознагражденіе. Но кромѣ этого, купля невѣстъ происходитъ естественно еще изъ другихъ причинъ: при разрозненности, отчужденности родовъ, долженъ необходимо развиться родовой эгоизмъ, который заставляетъ смотрѣть на женщину, съ самаго дня ея рожденія, какъ на чужую, назначенную для чужаго рода; родственники содержать дѣвушку, кормятъ и одѣваютъ ее не для себя, для чужихъ: отсюда естественно, что они будутъ требовать отъ рода, въ который дѣвушка переходитъ, вознагражденія за ея содержаніе; однимъ словомъ, произхожденіе купли невѣстъ одинаково съ произхожденіемъ позднѣйшей платы за выводъ, или выводной кунницы. На это ясно указываетъ обрядъ теперешней простонародной свадьбы въ нѣкоторыхъ областяхъ Русскихъ: «подлѣ невѣсты сидитъ братъ или другой какой-либо свойственникъ. Дружко спрашиваетъ его: за чѣмъ сидишь

ισιδηροφωροῦντό τε γάρ οἱ Ἕλληνες, καὶ τὰς γυναῖκας ἑνωοῦντο παρ' ἀλλήλων.—*Grimm's Deutsche Rechtsalterthümer*, 421 et squ.

¹⁾ Путешеств. въ Черногорію, соч. А. Попова, стр. 162. «Во время сильнаго развитія родоваго устройства, судьба женщинъ унижалась. Каждый членъ одного рода, соперничая съ другимъ, считался просить себѣ жену въ другомъ родѣ. Если нравилась ему дѣвица, то просто похищали ее и тайно вѣнчался. Этотъ обычай особенно былъ распространенъ въ Бердѣ. Иногда похищали и чужихъ женъ. Но съ уничтоженіемъ родоваго устройства, это пзмѣнилось». — См. также прекрасный разборъ сочиненія г. Терещенки (Бытъ Русскаго народа), сдѣланный К. Д. Кавелинымъ въ „Современникѣ“.

здѣсь?—Я берегу свою сестру. — Она уже не твоя, а наша, возражаетъ дружка. — А ежели она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе. Я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ. — Чтоже ты издержалъ? спрашиваетъ дружка. — Много! восемь бочекъ бураковъ, четыре бочки капусты, и проч. Дружка вынимаетъ изъ кармана нѣсколько мелкихъ денегъ, кладетъ на деревянную тарелку и ставитъ на ней чарку водки; потомъ подноситъ ему, но онъ не беретъ, потому что мало. Дружка склоняетъ его на уступку, но онъ не соглашается; торгъ продолжается, пока не сойдутся въ цѣнѣ. По продажѣ невѣсты, братъ ея выходитъ изъ за стола; на его мѣсто садится князь (женихъ) ¹⁾.

Обычай купли могъ поддерживаться и по другимъ причинамъ: родъ, купившій дѣвушку, слѣд. взявшій ее въ полную собственность, лишалъ ее черезъ это всякой самостоятельности, и это давало ему ручательство въ безпрекословномъ ея повиновеніи и прочности брака; такимъ образомъ купля была выгодна для обѣихъ сторонъ ²⁾. Но ясно, что такой родовой эгоизмъ долженъ былъ встрѣтить сопротивленіе въ родительской любви, которая, простираясь одинаково на сыновей и дочерей, требовала, чтобъ и послѣднія не исключались изъ наслѣдства, и, выходя изъ рода, брали свою часть, которая давала имъ возможность лучшаго существованія въ чужомъ родѣ; отсюда происхожденіе приданого. Обычай давать приданое долженъ былъ произойти и распространиться преимущественно въ такъ называемыхъ городахъ, мѣстахъ, гдѣ на близкомъ другъ отъ друга разстояніи жило много родовъ; близость поддерживала тѣсныя родственныя отношенія между родами, вошедшими въ связь посредствомъ брака своихъ членовъ; привязанность отца къ дочери поддерживалась частыми свиданіями, отецъ получалъ возможность наблюдать за поведеніемъ новыхъ родныхъ относительно дочери, за ея интересами; дочь не выходила изъ рода, но распространяла родъ, привязывая къ своему старому роду еще новый родъ мужа; произошло явленіе, которое замѣчаемъ мы въ отношеніяхъ между Русскими

¹⁾ Бытъ Русскаго народа, соч. А. Терещенки, ч. II, стр. 517, 518.

²⁾ Ne quis uxorem nisi emptitiam duceret, venalia siquidem connubia plus stabilitatis habitura censebat (Frotho), tutiorem matrimonii fidem existimans, quod pretio firmarentur. *Saxo Gram. Lib. 5, p. 88.*

Князьями, и которое, безъ сомнѣнія, имѣло мѣсто и въ другихъ родахъ, а именно: *племя* дочери, сестры стало сравниваться по отношеніямъ съ племенемъ сына, брата, даже свойственники вошли въ отношенія родственниковъ; такъ сестричицъ, сынъ сестры, хотябы принадлежалъ къ враждебному роду, считался *своимъ*; такъ мужъ старшей сестры считался старшимъ братомъ относительно младшихъ шурьевъ, старшій шуринъ относительно младшихъ зятьевъ. Но если нѣжность родительская, при пособіи упомянутыхъ обстоятельствъ, стремилась къ уничтоженію купли дочерей и ко введенію въ обычай приданого, то эгоизмъ рода долженъ былъ найти себѣ защитниковъ въ братьяхъ невесты, которыхъ интересъ страдалъ отъ того, что они не только не вознаграждались за содержаніе сестры во время ея дѣвической жизни, но еще отъ ихъ родовой собственности отнималась часть для ея приданого. Отсюда обычай приданого долженъ былъ встрѣтить себѣ сильныхъ противниковъ въ братьяхъ невесты, которые, безъ вѣдома родителей, могли дѣлать всевозможныя препятствія браку сестеръ, пользуясь особенно своею физическою, молодецкою силою; отсюда необходимость со стороны жениха и его родичей задаривать братьевъ невесты, чтобъ они не мѣшали дѣлу, выкупать у нихъ сестру. О помѣхѣ, которую дѣлали братья при бракѣ сестеръ, и о выкупѣ у нихъ послѣднихъ свидѣлствуютъ очень ясно простонародные наши свадебные обряды, такъ напр. «Женихъ сходитъ съ лошади, а на нее садится братъ невестинъ, или другой какойнибудь свойственникъ, и скачетъ по улицѣ во всю прыть. Бояре (проводяты), сѣвъ на своихъ лошадяхъ, обращаются за нимъ въ погоню. Схвативъ его, ведутъ къ невестѣ и предъ нею потчуютъ виномъ; тотъ кланяется и не пьетъ. Тогда дружка выпиваетъ вмѣсто его, и наливъ другую чарку водки подноситъ брату невесты; тотъ опять отказывается. Дружка спрашиваетъ: что тебѣ надобно? — Денегъ. — Дружка вынимаетъ изъ кармана нѣсколько денегъ, кладетъ на тарелку и подноситъ ему. Онъ беретъ деньги, выпиваетъ вино и слѣзаетъ съ лошади; тогда бояре бьютъ слегка по спинѣ его прутьями; онъ уходитъ отъ нихъ, потомъ возвращается и, взявъ обнаженную саблю, садится подлѣ невесты». Окончаніе обряда приведено выше. Кража лошади у жениха братомъ невесты и бѣгство его показываетъ ясно, что братъ невесты употреблялъ всѣ средства, чтобъ на счетъ

жениха вознаградить себя за выводъ сестры изъ рода безъ продажи и даже съ приданымъ ¹⁾).

Легко понять, что въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, у разныхъ племенъ, въ одно и тоже время могли быть разные обычаи относительно брака: въ то время какъ у однихъ, преимущественно въ городахъ, совершался бракъ съ согласія родителей невесты, даже могло быть въ обычаѣ приданое, у другихъ похищали дѣвицъ. На обычай похищенія дѣвицъ на игрищахъ указываетъ рассказъ Боплана о древнемъ Украинскомъ обычаѣ похищенія дѣвицъ на праздникахъ ²⁾. На это же указываетъ обычай раскольниковъ: «Между нѣкоторыми расколами бракъ не считался дѣйствительнымъ, доколѣ женихъ не похитилъ дѣвицу съ ея согласія. Такое обыкновеніе было въ употребленіи еще недавно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Витебской губерніи между раскольниками. Тамъ молодые парни и дѣвицы на масляницѣ собирались въ питейный домъ, на гулянье, называемое кирмашъ, плясать, пѣть и веселиться. Отцы и матери знали, къ чему клонилось веселье, потому что оно было обрядное. Молодой парень, условившись съ дѣвицею, уходилъ съ нею съ кирмаша, и, посадивъ на сани, отправлялся въ лѣсъ къ заветному дубу: объѣзжалъ его три раза, и тѣмъ оканчивалось его вѣнчанье. Въ Люценскомъ уѣздѣ находится огромное озеро, которое у раскольниковъ считается священнымъ: мужчины, похищая дѣвушекъ, объѣзжали озеро три раза, и бракъ былъ дѣйствителенъ» ³⁾. На этотъ же языческій обрядъ, сохранный раскольниками, указываетъ извѣстіе о Разинѣ, который будто бы на Дону велѣлъ вѣнчать людей около деревьевъ ⁴⁾. Слова лѣтописца: «Брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица», объясняются словами Митрополита Кирилла, который говоритъ: «Въ предѣлахъ Новгородскихъ невесты *водлятъ къ водѣ* и нынѣ не велимъ тому тако быти или то проклинати повелѣваемъ ⁵⁾». На употребленіе воды при бракахъ указываютъ также

¹⁾ На это указываетъ также извѣстная пословица: «Тестъ любить честь, зять любить взять, теща любить дать, а шуринъ глаза жмурить — дать не хочется».

²⁾ Description d'Ukraine, p. 63.

³⁾ Терещенко, Бытъ Русск. народа, т. II, стр. 28.

⁴⁾ Рихельманъ, Исторія Донскаго войска.

⁵⁾ Востокова, Опис. Рум. Муз., стр. 321.

правила Іоанна Митрополита, гдѣ говорится объ языческомъ обрядѣ *плесканія*, употреблявшемся при свадьбахъ ¹⁾).

Похищеніе женъ, насильственное или съ согласія похищенной сдѣланное, не могло условливать уваженія къ женщинѣ и стыдливости въ членахъ семьи: «срамословье въ нихъ предъ отъци и предъ снохамъ.» Постоянная вражда между родами ввела въ обычай безстыдную брань, оскорбляющую родъ..... При такихъ понятіяхъ что могло заставить человѣка ограничиться одною добычею? что мѣшало ему имѣть двѣ и три жены? «Имяху же по двѣ и по три жены,» говоритъ лѣтописецъ ²⁾).

Послѣ брачнаго обычая, въ которомъ рѣзче всего выражаются нравственныя понятія народа, для лѣтописца, христіанскаго монаха, былъ всего важнѣе обычай погребенія, въ которомъ выражаются обыкновенно понятія народа о духовности человѣка, о загробной жизни. Обычай погребенія у Радимичей, Вятичей, Сѣверянъ и Кривичей состоялъ въ томъ, что надъ покойникомъ совершали тризну, потомъ сожигали трупъ, кости собирали въ небольшой сосудъ, который ставили на столпѣ на распутии. Въ чемъ состоялъ обычай погребенія у Полянъ во времена язычества, объ этомъ лѣтописецъ молчитъ, и тѣмъ даетъ знать, что обычай Полянъ былъ одинаковъ съ обычаями другимъ племенъ. Что *тризна* была въ употребленіи и у Полянъ, видно изъ того, что св. Ольга, жившая въ Кіевѣ, среди этого племени, запретила совершать по себѣ тризну. Подъ именемъ тризны нельзя разумѣть ничего иного, какъ игры въ честь умершаго, борьбы, и т. п. Въ рукописныхъ бесѣдахъ Іоанна Лѣстничника слово тризна переведено *подвигъ* ³⁾. У Западныхъ Славянъ слово *тризна*, въ смыслѣ поминовенія по усопшемъ, употребляется только у Вацерада (228); собственно это слово означало также бой, поединокъ, тризнице — мѣсто боя,

¹⁾ Оже не бывають на простыхъ людехъ благословленіе вѣнчанія, но бояре токмо и Князи вѣнчаються; простымъ же людямъ яво именемъ и *плесканіемъ*... Русск. достоп. I, 101.

²⁾ Обычай многоженства сохранялся и долго послѣ: Митрополитъ Іоаннъ въ правилахъ говоритъ: „Тоже створи, иже бес труда и бе-сраха и бе-срама двѣ женѣ имѣють“. Русск. Достопам. I, 91.

³⁾ Восток. Опис. Румянц. Музея. N. CC. Въ Новгородскомъ словарѣ XV вѣка, *тризна* переведено: *страданіе*, *подвигъ*. Сахарова: «Сказ. Русск. народа», том. II.